

Глава 3

Сюэинь Чоумао

Сяо Жун вернулся на постоянный двор как раз в тот момент, когда слуга выходил на крыльцо с тазом грязной воды. Увидев постояльца, тот так и просиял:

— Господин Сяо, да вы сегодня просто в цвете! Лицо прямо-таки сияет!

Юноша лишь промолчал, плотно сжав губы. А Шу украдкой взглянул на него: работник не ошибся — господин и впрямь «цвёл», вот только этот нежный румянец на щеках был вызван не здоровьем, а закипающим гневом.

Сяо Жун, не проронив ни слова, гневно взмахнул рукавом и решительно зашагал по лестнице. Мальчик поспешил следом, плотно притворив за собой дверь комнаты.

Беда не приходит одна. Его господин, превыше всего ценивший собственное достоинство, никогда прежде не сносил подобных унижений.

Сяо Жун в одиночестве дулся на кровати. А Шу, выждав немного, осторожно подошёл ближе и попытался утешить его теми словами, что когда-то слышал от самого юноши:

— Господин... Не гневайтесь. От гнева лишь хвори множатся, а заменить вас в болезни будет некому.

Молодой человек даже не шелохнулся. Лишь медленно, с пугающей неспешностью, он повернул голову и воззрился на невинное лицо ребёнка.

— А Шу, — вкрадчиво начал он, — почему мне вдруг так захотелось тебя поколотить?

Мальчик мгновенно замолчал.

На самом деле слуга и сам не на шутку тревожился. С того самого дня, как он оказался подле Сяо Жуна, он только и слышал о том, как тот стремится в армию Чжэньбэй, как хочет служить великому вану. И вот, когда цель была так близка, они получили столь резкий отпор.

Жизнь в странствиях была суровой, а припасённые деньги почти подошли к концу. Сяо Жун не всегда был столь прижимист; он стал считать каждый медяк лишь тогда, когда осознал, с какой пугающей быстротой тают их средства.

После того как двор династии Юн бежал на юг, цены взлетели до небес. И если в Южной Юн

ситуация более-менее стабилизировалась, то здесь, на севере, жизнь была лишь немногим лучше, чем в последние годы перед падением империи.

За одну «большую монету» — да-цзянь — можно было купить всего две лепёшки. При этом да-цзянь был не обычным медным грошом, а более тяжёлой медной монетой, равной примерно двадцати мелким монетам. Простая лепёшка без начинки за десять медяков — такая цена считалась грабительской повсеместно, и виной тому была баснословная стоимость зерна.

Дороговизна продовольствия в смутные времена была делом привычным, но эпоха, в которой очутился Сяо Жун, обладала ещё одной, куда более зловещей особенностью: дрова здесь ценились не меньше хлеба.

Люди этого времени знали, что жизнь дорога, но не понимали истинных причин. Они привыкли к нужде за долгие годы. С дровами, в отличие от зерна, было проще: если искать их день и ночь, тратя каждую свободную минуту на сбор хвороста, можно было накопить достаточно, чтобы пережить зиму. Однако любая случайность, отнимавшая у людей время, означала нехватку топлива. А если не было дров и не было денег, чтобы их купить, оставался лишь один исход — лютая смерть от холода.

Недаром в списке жизненных необходимостей слово «дрова» со временем прочно заняло первое место, потеснив рис, масло и соль.

В эту пору стремительно развивалась культура холодных закусок, придумывались новые способы выжигания угля, а люди шли на любые ухищрения, чтобы согреться. Многие до сих пор помнили великий снегопад тридцатилетней давности. Тогда, от Когурё до самых рек Гань и Сян, всё скрылось под небывалым слоем снега. Река Янцзы и река Хань сковало льдом, на севере пал почти весь скот, а на юге, не ожидавшем столь затяжной беды, за один только месяц в снежных объятиях навеки уснули полтора миллиона человек.

Замерзающие бедняки не знали, что им не повезло родиться в один из трёх самых суровых климатических пиков в истории — Малый ледниковый период. Они не ведали, что смерть от холода, возможно, была милосердным концом, ведь ледяное дыхание севера лишило кочевников пастбищ. Те были вынуждены хлынуть на юг в поисках новых ресурсов, превращая и без того хаотичный Чжунъюань в кровавое побоище.

Для мёртвых муки закончились, но для живых кошмар только начинался. Тридцать лет назад снег, измена, великое переселение, вражеские вторжения и набеги горцев сплелись в один тугой узел. И сегодня люди всё ещё жили в тени того страха, не в силах избавиться от предчувствия новой крови и вечных льдов. Впрочем, как уже говорилось, они привыкли. А ко всему привычному со временем перестаёшь относиться как к трагедии.

А Шу был мал и не застал той великой беды, но он знал: зимы на севере беспощадны. Постой в трактирах зимой и летом стоил по-разному, а нынешние холода длились бесконечно долго.

Здоровье его господина оставляло желать лучшего, поэтому в глубине души он надеялся, что они вернутся на юг.

Пока армия Чжэньбэй не дала им от ворот поворот, мальчик не смел и заикнуться об этом, но сегодня, увидев их пренебрежение, набрался смелости:

— Господин, раз армия Чжэньбэй вас не приняла... может, нам стоит отправиться домой?

Сяо Жун лишь хмыкнул. Стоило настроению немного улучшиться, как этот малый тут же вставил свои «пять копеек». Юноша посмотрел на слугу:

— Ты так сильно хочешь вернуться?

Мальчик занервничал, заминаясь:

— Хочу... Нет, не хочу! Куда господин, туда и я. Но Линьчуань — это ваш дом, и ещё... — Слуга покраснел от натуги, и Сяо Жун, вздохнув, закончил за него:

— И ещё там остался И-эр со своими людьми, верно?

А Шу часто закивал. Сяо Жун невольно улыбнулся:

— Скучаешь по И-эру?

— Маленький господин — ваш брат, — торопливо ответил мальчик. — Я просто подумал, что рядом с родными вам будет спокойнее, и здоровье ваше пойдёт на поправку.

Сяо Жун промолчал. Если бы всё было так просто...

Будь его воля, он и сам бы не остался в этом Богом забытом месте, где даже весной пробирает до костей. Цюй Юньме, этот солдафон, умел только воевать, а не править. Порядок в Пиньяне держался лишь на железной хватке местного инспектора. Почти вся знать бежала на юг, оставив после себя лишь руины и заброшенные поместья, отчего этот край ещё долго не мог оправиться.

Но уйти он не мог. Он с таким трудом сохранил эту жизнь, нельзя было сдаваться сейчас. К тому же юг только казался тихой гаванью. В следующем году Чэньлю-ван поднимет мятеж, и тогда ни в Линьчуане, ни на самом далёком острове Хайнань не останется безопасного уголка.

Сяо Жун снова вздохнул и мягко похлопал А Шу по плечу.

— Эх, А Шу...

Тот непонимающе уставился на хозяина. Юноша натянуто улыбнулся — в этой улыбке смешались усталость и странная решимость:

— Твоему господину нигде не будет покоя. Только Чжэньбэй-ван, только Цюй Юньме... Лишь подле него я смогу исцелиться без лекарств и понять, что значит обрести истинное пристанище для сердца.

Глаза А Шу расширились от потрясения. Он постоянно слышал, как господин честит вана на чём свет стоит, и думал, что тот его ненавидит или, быть может, мечтает сместить. Кто бы мог подумать...

«Неужели всё дело в такой преданности?!» — изумлённо подумал мальчик.

Мировоззрение юного слуги дало серьёзную трещину, но Сяо Жун, не заметив этого, продолжал:

— Как только я здесь устроюсь, напишу письмо, чтобы И-эра и остальных привезли сюда. Не бойся, скоро вы все встретитесь.

— Значит... вы и вправду решили остаться в Пиньяне? — опешил мальчик.

— Зачем мне здесь сидеть? — удивился Сяо Жун. — Я, разумеется, уйду вместе с армией Чжэньбэй.

А Шу честно возразил:

— Но они же вас прогнали!

Сяо Жун осёкся. Вот же несносный ребёнок, вечно бьёт по больному месту. Помолчав, он решил отбросить приличия:

— Прогнали — и что теперь, уходить? Так я совсем лицо потеряю. Нет уж, я к ним прилипну намертво. Пока меня с собой не заберут, спокойной жизни им не видать!

«За что же вы так с собой, господин...» — тоскливо подумал А Шу.

Немного погодя Сяо Жун достал стопку белой бумаги — ту самую, которую он берёт как зеницу

ока. В эпоху, когда дрова стоили как хлеб, бумага ценилась на вес золота. Эти листки отдал ему И-эр; сам бы господин Сяо никогда не разорился на такую роскошь.

Он осторожно вывел строку текста. Конверт трогать не стал — просто скатал бумагу в тугую трубку и перевязал тонкой нитью.

— Передай это тому генералу, которого мы видели сегодня, — велел он А Шу.

Уже когда мальчик был в дверях, Сяо Жун вспомнил одну деталь:

— Как звали того вояку, что заправлял набором?

Сяо Жун редко запоминал подобные мелочи, полагаясь на память слуги.

— Сказали, генерал Цзянь Цяо, — ответил тот.

А Шу умчался, оставив господина в полном оцепенении.

Тот самый генерал, у которого возникли «проблемы со зрением», — это Цзянь Цяо? Тот единственный из приближенных Цюй Юньме, кто избежал казней и дожил до глубокой старости? Цзянь Цяо?!

Сяо Жуна захлестнула волна досады. Надо же было так случиться: единственный, кто его оскорбил, оказался единственным же счастливым в этой кровавой истории...

Тем временем генерал Цзянь Цяо пребывал в унынии.

На севере от реки Хуай всегда было туго с талантами. Сначала варвары прошлись огнём и мечом, потом вся знать бежала на юг вслед за императором. Те же, кто остался, были либо из захудалых родов, либо из простолюдинов. А для службы в штабе нужен был человек грамотный. Простолюдины же иероглифов в глаза не видели, так что круг поиска сузился донельзя.

Сначала Цзянь Цяо ходил по списку, составленному местными книжниками, и его хотя бы пускали на порог выпить чаю. Но стоило разнестись слуху, что Чжэньбэй-ван собственноручно прибил одного из советников, как перед военачальником стали захлопывать двери чаще, чем он успевал представиться.

Не найдя никого в округе Яньмэнь, он отправился в Дай и Чжуншань. Округа эти

располагались рядом, и за пару дней он объехал их все. И дело было не в размерах территорий, а в том, что эти края испокон веков служили местом ссылки. Нелюбимые принцы, опальные чиновники — все они оседали здесь. Армия Чжэньбэй была единственной силой, которая не брезговала этим захолустьем; остальные же, едва выбившись в люди, стремились перебраться в большие города.

Как говорится, сын не стыдится уродства матери, а пёс не... хм, сравнение выходило не слишком удачным, но суть была верна. Армия Чжэньбэй поднялась именно здесь, и Цзянь Цяо, выросший на заставе Яньмэнь, искренне желал этому краю процветания.

Поэтому он подошёл к делу со всей душой, а не просто как к очередной обузе от Гао Сюньчжи. Ради этого он и прибыл в Пиньян — древний город, давший миру немало знатных родов.

И... результат был нулевым. Те, кто слышал о «подвигах» Чжэньбэй-вана, и видеть его не желали. После объявления за день пришли всего трое: один умел только кашеварить, второй — мелкий воришка, у которого на лбу было написано «мошенник», а третий... третий заставил генерала признать, что в большом лесу водятся самые странные птицы.

Как можно было так точно собрать в себе все запретные черты? Даже сейчас, когда стемнело, Цзянь Цяо с содроганием вспоминал Сяо Жуна. Приведи он такого к вану — и тот либо обновил бы рекорд по скорости казни, либо окончательно лишился бы терпения. Ван обычно не мучил людей перед смертью, но ради этого красавца мог бы и сделать исключение.

«Ладно, не судьба, — подумал генерал. — Пусть этот Сяо Жун знает: я его не оставил ради его же блага. Считаю, доброе дело сделал!»

Цзянь Цяо потрянул головой, прогоняя образ лица Сяо Жуна, и принялся размышлять, куда ему податься завтра. Как раз в этот момент вошёл стражник с посланием от А Шу.

— Генерал, это прислал тот самый Сяо Жун. Просил передать, чтобы вы прочли это в одиночестве.

Цзянь Цяо в недоумении взял свиток. Хотел было развернуть сразу, но, решив на всякий случай перестраховаться, ушёл во внутренние покои.

Едва взглянув на иероглифы, генерал скривился. Почерк был немногим лучше, чем у ребёнка, только-только взявшего в руки кисть. И этот человек называет себя учёным мужем?

Счастье Сяо Жуна, что его не было рядом. Он бы непременно съязвил в ответ: мол, скажите спасибо, что я вообще пишу традиционными иероглифами, а напиши я упрощёнными — вы бы, мужланы, до конца жизни гадали, что там накорябано.

Впрочем, текст был разборчивым. Цзянь Цяо прочёл его про себя и вдруг вскочил как

ошпаренный. На листе значилось:

«Удар на востоке — манёвр на западе. Выманить тигра с горы. В войске измена. Беда в Чанъане».

Генерал не блистал образованием, но как один из четырёх главных военачальников Цюй Юньме обладал острым чутьём.

Когда в Ичжоу начались беспорядки, ван тут же бросил погоню за хунну и направился вглубь провинции. Лишь в прошлом году эти земли были покорены, и они находились дальше всего от Яньмэня. Армия Чжэньбэй никогда не сильна была в управлении, и её влияние там было призрачным. Перед уходом ван устроил там настоящую резню, чтобы припугнуть инородцев, и когда пришла весть о бунте, Цзянь Цяо решил, что те просто подняли голову. Но услышав, что восстание возглавили мелкие дворяне и крестьяне, генерал успокоился. Крестьянские бунты подавить несложно. Куда опаснее были дикари — свирепые и не ведающие страха.

Но что, если... это лишь ширма? Что, если за всем стоят кочевники, решившие выманить вана из его цитадели?

Ичжоу — это сердце земель. Даже если ван поймёт, что его обманули, он не успеет вернуться. К тому же варвары не могли точно знать передвижения вана. Значит, третья строка про измену — не пустые слова. Кто-то сообщил врагу, что Цюй Юньме с двадцатью тысячами воинов отделился от основных сил. Идеальный момент.

А кто именно мог нанести удар... догадаться было несложно. Лишь сяньби обладали силой, способной тягаться с армией Чжэньбэй, и лишь они вечно грезили о Чанъане, выискивая лазейки, чтобы обойти Яньмэнь.

Ярость закипела в груди генерала. Снова эти проклятые сяньби!

Он не стал действовать очертя голову и не бросился слепо доверять записке Сяо Жуна. Сохраняя невозмутимый вид, он вышел и вызвал надёжного лазутчика, велел тому во весь опор мчаться к Лянчжоу. Если кочевники вошли в пределы страны, их следы неизбежно обнаружат.

Армия Чжэньбэй была грозной силой, но лично Цюй Юньме внушал ужас. То, что сяньби затеяли столь сложную игру, лишь бы спровадить его подальше, говорило об их безграничном страхе. Пока воитель не уйдёт достаточно далеко, они не посмеют обнаружить себя. Значит, они только начали движение, и если лазутчик поспешит, всё ещё можно исправить.

В ту ночь Цзянь Цяо не сомкнул глаз. Лазутчик ушёл ещё до полуночи, а едва забрезжил рассвет, прибыл гонец. Нет, не тот самый всадник — лазутчик всё ещё был в пути, но он передал весть особыми военными знаками.

Услышав о движении огромных конных отрядов в районе Лянчжоу, Цзянь Цяо резко поднялся. Он уже был готов. Одним приказом он велел отправить письма доверенным лицам, а сам во весь опор помчался в округ Яньмэнь. Основные силы были там, а под его началом было лишь пятьдесят тысяч воинов. Ему нужны были остальные.

Пока на севере всё пришло в движение, Сяо Жун на постоялом дворе безмятежно спал. Лишь когда солнце взошло высоко, он наконец соизволил подняться, сладко потянулся и замер.

Что-то было не так. Почему он чувствует себя таким бодрым и лёгким? Тело больше не казалось свинцовым, а привычная слабость бесследно исчезла. Он бросился к зеркалу: бледность с лица сошла, уступив место здоровому цвету.

Небеса, неужели такое возможно?!

Сяо Жун так и засиял. Он понял — его записка достигла цели. В истинной истории налёт сяньби, хоть и не позволил им захватить Чанъань, обернулся кровавой баней в Хэчжоу и Циньчжоу. И поскольку эти земли были под властью вана, народный гнев обрушился именно на Цюй Юньме. Подстрекаемые врагами, люди мгновенно превратили героя в глазах толпы в никчёмного правителя.

Сяо Жун не удержался и расхохотался, глядя в небо:

«Ну что, Цюй Юньме, теперь-то ты понял, кто здесь на самом деле мастер?!»

Впрочем, сам Цюй Юньме в это время ещё не получил донесения от Цзянь Цяо.

Он и сам не продолжил путь в Ичжоу. Поразмыслив какое-то время, он внезапно развернул коня и во весь опор помчался назад, стремясь как можно скорее достичь города Аньдин. Подчинённые, не понимая причин такой перемены, лишь молча следовали за ним.

По идее, он должен был столкнуться с передовыми отрядами сяньби у стен Аньдина, и там должно было вспыхнуть жестокое сражение. Но когда он прибыл, битва уже кипела вовсю.

И это были не шестьдесят тысяч всадников сяньби против его двадцати тысяч пехоты. Против варваров вышли пятьдесят тысяч всадников Чжэньбэй и семьдесят тысяч пехотинцев.

Кочевники были грозными воинами — когда-то они заставили Северную Юн захлебнуться слезами, едва не уничтожив её. Но никчёмные южане не шли ни в какое сравнение с

закалённой армией севера. Даже в равном бою варвары пасовали перед Чжэньбэй, а здесь перевес был почти двукратным. Появление же самого вана удвоило боевой дух, доведя преимущество до сокрушительного.

Теперь уже этим незваным гостям пришла пора плакать и звать матерей. Сяньби, осознав, что им не сдюжить, попытались было прорваться в город, чтобы устроить там пожары и сбежать с награбленным, и не будь здесь этой огромной армии, один лишь Цюй Юньме вряд ли смог бы их удержать.

Но двенадцать мириад воинов решили исход дела. Всего за день враги были наголову разбиты. Их разведка подвела: они шли грабить, а не умирать в честном бою, поэтому при первой же возможности пустились в бегство.

Цюй Юньме скакал впереди всех, нещадно понукая коня. В обычное время он предпочитал меч, но на поле боя его верным спутником было копьё. Его личное оружие звалось Сюэинь Чоумао — Копьё мщения, пьющее снег. Острое лезвие с лёгкостью рассекало волос на лету, наконечник венчал грозный трезубец, а сам шест весил сорок цзиней — и только ван мог вращать его с такой лёгкостью, будто оно не весило ничего. Каждый его выпад уносил жизни как минимум троих врагов.

Сяньби были заклятыми врагами Цюй Юньме и всей его армии. Увидеть их означало убить.

Лишь прогнав их на сотню ли и вдоволь умывшись кровью врага, ван наконец пришёл в себя. К счастью, конь его был выносливым, иначе давно бы пал замертво. Вернувшись в лагерь, Цюй Юньме первым же делом пожелал узнать, как основные силы умудрились прибыть раньше него. Он ведь развернулся по наитию, лишь желая проверить догадку, но кто-то оказался настолько прозорлив, что вывел треть войск с заставы Яньмэнь.

Цзянь Цяо здесь уже не было — на вопрос ответил другой военачальник, старый друг детства вана:

— Генерал Цзянь получил донесение и отправил лазутчиков в Лянчжоу. Едва подтвердилось присутствие сяньби, я выслал людей к вам, но вы, государь, мчались так быстро, что разминулись с гонцом.

Говорившего звали Юань Байфу. Несмотря на столь радостное имя («Изначально сто благ»), он обладал на редкость добродушным нравом. Цюй Юньме терпеть не мог красивых людей, и хотя Юань Байфу не был писанным красавцем, в нём была некая привлекательная свежесть. Лишь благодаря старой дружбе он мог так долго оставаться подле вана.

Цюй Юньме хмыкнул:

— А где сам Цзянь Цяо?

Юань Байфу улыбнулся:

— Сказал, что возвращается в Пиньян по делу невероятной важности.

Ван лишь недоуменно нахмурился. Какое дело может быть важнее подсчёта трофеев и заслуг? Не найдя ответа, он лишь покачал головой и небрежно бросил Сюэинь Чоумао подбежавшему солдату. Пора было отдохнуть. После яростной погони длиной в две сотни ли силы были на исходе. В Ичжоу он теперь точно не поедет — пусть за него это сделает Юань Байфу.

Минул ещё день, и в Пиньян наконец вернулся запыханный и заросший щетиной генерал Цзянь. Он вихрем ворвался в трактир, где остановился Сяо Жун, и, не в силах сдержать восторг, закричал на весь этаж:

— Господин! Господин Сяо! Прошу, простите мне мою слепоту! Господин — истинный гений, великий талант!

А в своей комнате Сяо Жун невозмутимо поднёс к губам чашу с чаем. Отпив глоток, он сделал вид, что не слышит криков, и обратился к А Шу:

— Положи-ка в чай больше фиников.

Слуга промолчал, лишь молча подбросил горсть красных фиников в чайник на жаровне. Крики снаружи не утихали; не дождавшись ответа, военачальник, казалось, готов был разрыдаться прямо под дверью. Мальчик не выдержал:

— Господин, может, всё-таки откроем?

Сяо Жун едва заметно улыбнулся. Его натура была на редкость злопамятной.

— И не подумаю. Пусть помается.

<http://bllate.org/book/15355/1412403>